https://doi.org/10.71414/2181-032X-2025-2-33-44-53

TOSHKENTNING O‘RTA ASRLAR TARIXI BO‘YICHA YANGI ARXEOLOGIK MA’LUMOTLAR

©2025. Filanovich Margarita, Gritsina Aleksey
O‘zR FA Milliy arxeologiya markazi

Kalit so‘zlar: Toshkent, IX-XII-asrlar, o‘rta asrlar Toshkent shahar infratuzilmasi dinamikasi, Binkat, Shashtepa, Qovunchi madaniyati.

Maqola 2021–2022-yillarda Shashtepa yodgorligida miloddan avvalgi II asrga oid diniy-memorial majmuani konservatsiya qilish loyihasi doirasida amalga oshirilgan arxeologik qazuv tadqiqotlari natijalariga bag‘ishlangan. Mualliflarning ta’kidlashicha, XX asrning 70–90-yillarida hozirgi Toshkent shahri hududida olib borilgan arxeologik tadqiqotlar natijasida bu yerda qadimdan Chirchiq daryosi suvlari va yer osti manbalari bilan ta’minlangan sug‘orish tarmoqlari asosida shakllangan, dehqonchilik xo‘jaligiga tayangan zich aholi joylashuv tizimi — mikrooazis vujudga kelgani haqida xulosa qilingan. Ushbu mikrooazis hududi so‘nggi o‘rta asrlar davrida taxminan Toshkent rustoqlari maydoniga mos kelgan.
Shashtepa yodgorligining miloddan avvalgi II asrga oid diniy-memorial majmuasining halqasimon devori tashqarisidagi barcha atrof hudud o‘zlashtirilgani va bu yerda Qoraxoniylar davriga mansub manzilgoh shakllangani haqida xulosa qilish mumkin. Rivojlangan o‘rta asrlar davrida ushbu manzilgoh chegaralari aniq belgilangan bo‘lib, bu davrga kelib Salar–Jun, Karasu va Bozsu kabi barcha sug‘orish tarmoqlari, shuningdek ularning irmoqlari va kanallari xo‘jalik tizimida to‘liq jalb etilgan.
Somoniylar va Qoraxoniylar davrida esa ushbu infratuzilmaning markazida Binkat shahri joylashgan edi.

НОВЫЕ ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ К СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ТАШКЕНТА

©2025. Филанович Маргарита, Грицина Алексей
Национальный центр археологии АН РУз

Ключевые слова: Ташкент, IX – XII вв., динамика городской инфраструктуры средневекового Ташкента, Бинкат, Шаштепа, каунчинская культура.

В статье представлены результаты последних археологических наблюдений проведеные на Шаштепа в 2021 – 2022 годах, в связи с земляными работами под проект консервации основного объекта Шаштепа – культово - мемориального комплекса II в. до н.э. Авторы отмечают, что археологические исследования 70 – 90 – х годов XX века на территории современного города Ташкента привели в свое время к заключению, что здесь с древности на оросителях питавшихся водами Чирчика и подпочвенными источниками сложилась система плотного расселения, основанная на земледельческом хозяйстве – микрооазис, который, в эпоху позднего средневековья примерно соответствовал площади рустаков Ташкента. С учетом результатов наблюдений и ранее проведенных раскопок на Шаштепа, можно приходят к выводу, что за пределами кольцевой стены его раннего культово – мемориального комплекса II в. до н.э. – III в. н.э. вся вокруг прилегающая территория обживалась, на которой сложилось поселение караханидского времени. В развитом средневековье границы его определились, когда все оросители Салар – Джун, Карасу, Бозсу с протоками и каналами оказались задействованными в хозяйственном контексте. В саманидский и караханидский периоды в центре инфраструктуры находился город Бинкат (городище под городом Ташкентом XIX века).

Археологические исследования 70 – 90 – х годов XX века на территории современного города Ташкента привели в свое время к заключению, что здесь с древности на оросителях питавшихся водами Чирчика и подпочвенными источниками сложилась система плотного расселения, основанная на земледельческом хозяйстве – микрооазис, который, в эпоху позднего средневековья примерно соответствовал площади рустаков Ташкента.

В развитом средневековье границы его определились, когда все оросители Салар – Джун, Карасу, Бозсу с протоками и каналами оказались задействованными в хозяйственном контексте.

В саманидский и караханидский периоды в центре инфраструктуры находился город Бинкат (городище под городом Ташкентом XIX века). От главных ворот Бинката во всех направлениях расходились дороги на юг, восток и на север в сторону степи. Эта часть системы Шелкового пути оказалась эффективно задействованной. Вдоль дорог располагались населенные пункты. Жители, некоторых из них профессионально специализировались на разного рода ремеслах, чаще гончарном, а также шорном, стеклодувном или металлообработке. Вся эта система и создавала Бинкату славу крупнейшего торгово – ремесленного города на северных трассах Шелкового пути.

Одним из оживленных было направление на юго – запад в сторону переправы через Сырдарью и далее в Самарканд. В ближайшем расстоянии от Бинката на этой оживленной дороге археологически изучены поселения Учтепа, Казакмазар тепа, с мастерскими и печами по производству высокохудожественной посуды в IX – X и XI – XII вв. Все они входят в настоящее время в городскую черту Ташкента.

По этой дороге расположилось и городище Шаштепа. Как выяснилось в раскопках это - уникальный по своей исторической значимости пункт, в недрах которого открыт комплекс материальной культуры, позволивший прочитать историю оазиса от эпохи бронзы и раннего железа до монгольского завоевания[1].

Площадь городища около 25 га включала центральный бугор с поселением вокруг него и второе поселение, отделенное от первого каналом Джун. Раскопками прежних лет, охватившими до 90 % площади центрального бугра установлено, что нижний культурный горизонт бугра занимают отложения земляночного поселения оседлых земледельцев бургулюкской культуры, тогда датированное IX – VII вв. до н.э. (Филанович, Дуке 1990: 39 – 49; Ильясова и др. 2020: 97; Lhuillier 2005 – 2006: 71)[2]. В настоящее время датировка методом C^{14} и аналогии с подобным комплексом с других территорий Шаша позволили определить начало формирования бургулюкской культуры временем не позже XIV – XIII вв. до н. Поселение ранних земледельцев оказалось покинутым жителями примерно в VII веке до н.э. Возможно в период VII – V вв. до н.э., когда в степях Евразии в силу экологических причин формировался новый тип хозяйства – подвижное скотоводство, в его обширный ареал влились и наследники бургулюкской культуры.

[1] Городище Шаштепа, археологический памятник (XIII в. до н.э. — XII в. н.э.). Расположен вдоль канала Джун (ул. Чаштепинская в пятидесяти метрах от жилого массива «Шаштепа») в районе Янги – Хаёт города Ташкента. Впервые отмечено членами Туркестанского кружка любителей археологии, в 1896 проведены археологические раскопки Н. П. Остроумовым, обследовано в 1934 Г. В. Григорьевым, в 1956 Н. И. Крашенинниковой проведены археологические наблюдения, в 1970 Г. Дадабаевым, с 1978 – 1984 и 2000 – 2001 гг. изучалось Ташкентской археологической экспедицией (М. И. Филанович, В. И. Спришевский, А. А. Грицина, Х. Дуке, С. Р. Ильясова, Г. И. Богомолов, Ш. Адылов).

[2] В настоящее время прямой аналогией Бургулюкского поселения являются материалы Куюна в верховьях Ахангарана, которые по результатам карбонного анализа пекинской лаборатории датированы временем от XIII до X вв. до н.э.

На руинах бургулюкского поселения. Шаштепа возник некрополь с ямными погребениями и комплексом материальной культуры из них, оставленный пришлым населением, продвинувшимся из низовьев Сырдарьи. Некрополь, датирован второй половиной III века до н.э. (Филанович 2010: 71).

На выравненных остатках погребений кочевников на Шаштепа было выстроено первое в долине Чирчика архитектурное сооружение из сырцового кирпича и пахсы. Здание оригинальной крестовидной планировки (Филанович 2010: рис. 8Б), заключенной в кольцо внешней стены со сводчатым коридором, прошло несколько этапов перестроек на протяжении II века до н.э. – III века н.э. Здание выстроено пришедшими из восточного Приаралья новыми племенами. Основу плана составлял квадрат, в котором вписаны три коридорообразные помещения, обведенные узким коридором и башнями, пристроенными со всех четырех сторон. В интерьере ярко выражены следы возжигания огня и алтарь огня с захоронением священной золы. Открыто также в одном помещении захоронение человеческого черепа в сопровождении погребальной пищи. Комплекс можно характеризовать как культово – мемориальный, отразивший в своей крестовидной планировке символику поклонения Солнцу и огню.

Открытое на Шаштепа сооружение II в. до н.э. – III в. н.э., прошедшее два этапа функционирования культового характера, составляет уникальную достопримечательность города Ташкента. Последние археологические наблюдения проведены на Шаштепа в 2021 – 2022 годом в связи с земляными работами под проект консервации основного объекта Шаштепа – культово - мемориального комплекса II в. до н.э.[3]. Ввиду этого по решению администрации г. Ташкента над раскопанной раннее частью городища Шаштепа, должно было быть возведено перекрытие. Согласно проекта консервации заказчиком проводилась, закладка шурфов для устоев, которые должны были поддерживать перекрытие над объектом. Шурфы размером 2 х 2м заложены по окружности диаметром 60м вокруг объекта (всего 20). В силу больших перепадов рельефа глубина шурфов составила от 1,5 до 5 – 6 метров. Материк, достигнут только в некоторых шурфах. Отсчитывая глубину от верхней (реперной) точки бугра это – XXI ярус (согласно археологической методике раскопок по ярусам). Поскольку эти земляные работы велись на территории городища, шурфы являются археологическими раскопами, общая площадь вскрытия на которых составляет около 100 м^2. В них пройдена свита накопленных культурных отложений за все периоды жизни на центральном бугре городища и ближайшей территории примыкающей к нему (что отмечено в начале статьи).

Стратиграфия. Наиболее выразительная картина чередования культурных слоев наблюдается в шурфах № 1, 4, 5, 6, 7, 8 (нумерация по часовой стрелке). Шурф № 1 расположен к югу от центрального объекта. В нем на глубине 2 м от современной дневной поверхности (XII – XIV ярусы) прослеживается слой лессовой фактуры с материалом в основном караханидского времени, опускающимся до уровня грани XVI и XVII ярусов, где отмечен пол помещения с беловатой прослойкой и покрывающим ее черным прослоем сажи и угольков. Все накопления слоев выше этого пола дают значительное количество артефактов караханидского периода (XI – XII веков). Это, прежде всего керамика: поливная с ядовито желтоватым покрытием, коричневым и черным орнаментом. Верхний культурный слой бугра вокруг культового здания оказался занятым поселением эпохи развитого средневековья.

[3] Согласно контракту между ГУ «Маданий мерос илмий тадкикот Институти» и Центром археологических исследований Республики Узбекистан проведены археологические наблюдения за земляными работами на городище Шаштепа, которые велись Заказчиком с целью подготовки памятника к консервации. Наблюдения провели кандидаты наук М. И. Филанович и А. А. Грицина.

На западной грани шурфа на уровне пола с черной прослойкой обнаружены in situ два целых сосуда - закопченный, сероглинянный котел с выпуклым дном и серповидными прижатыми к корпусу ручками и горшок красного черепка с вертикальными ручками и отверстием в донце (рис. 1). Он видно предназначался для процеживания каких – либо жидких продуктов. Здесь же на полу найден фрагмент железного ножика (9 см) с прямой спинкой и остатками перекрестия и сделан богатый сбор раздавленной посуды как глазурованной, так и неполивной, и закопченных котлов.

Рис. 1. Шоштепа. Сероглинянный котёл
1-rasm. Shoshtepa. Kulrang loydan yasalgan qozon
Fig. 1. Shoshtepa. Gray clay cauldron

Очевидно, в границы шурфа попала часть хозяйственного помещения домовладения караханидского поселения, которое сложилось вокруг бугра с древней «крестовиной».

Возможно, это была кухня, так как рядом с целыми сосудами обнаружен развал кирпичей (размером - ? х 13 – 14 х 4 см) сильно прокаленных, из которых был сложен очаг. Ниже в XVII ярусе лежит желтый слой средней плотности с керамическим материалом раннего средневековья и фрагментами сосудов типа Каунчи II, который опускается до уровня грани XIX и XX ярусов, до него и доведен шурф.

В 12 шурфах, вокруг центрального бугра выявлена идентичная стратиграфия, то есть под верхним напластованием с переотложенным материалом везде прослеживается слой культурных остатков караханидского поселения мощностью до 2,5 м с его характерной керамикой. Среди такого материала в шурфе №5 сделана примечательная находка – шаровидное тулово кувшина диаметром 19 см, снаружи сплошь покрытого штампованным орнаментом.

Речь идет о кувшине с округлым туловом на трех ножках (рис. 2), находке почти целого сосуда, выполненного в технике штамповки в калыбе двух полушарий тулова, соединенных вместе залощенным швом, закрытым орнаментом в виде насечек.

Рис. 2. Сосуд, выполненный в технике штамповки в калыбе
2-rasm. Shtamplash texnikasidan foydalangan holda tayyorlangan idish
Fig. 2. Vessel produced using the stamping technique in a mould (kalyp)

Сосуд красноватого теста со светлым ангобом. Для украшения тулова использован один и тот же штамп. Орнамент верхней и нижней части одинаков: полоса, состоящая из двух отрезков, разделенных вертикальной узкой полоской геометрического орнамента. В каждом отрезке полосы три квадрата, окаймленных вертикальными линиями по – видимому, изображающими стволики растений, увенчанных склоненным вертикально пучком листьев (?), переданных рисками. В квадратиках повторяются три элемента: 1) пышное растение как букет из ветвей с закрученными концами; 2) S – образный знак (рудимент бараньих рогов) на кружках каунчинской культуры; 3) миндалевидный картуш с выпуклой пуговицей в центре. Перед нами впервые встреченный на территории Ташкента пример техники штамповки сосудов соединенных из двух половинок, изготовленных в формах (калыбах), в Ташкентской области его подобный аналог находим на городище Канка (кувшин сероглинянный на трех ножках) (Буряков и др. 1990: 15). Подобная техника была широко известна в мастерских гончаров разных восточных городов в XI – нач. XIII вв. и особого совершенства достигла в Мерве в XI – нач. XIII вв., где на Султан кале изучены мастерские и около десятков таких сосудов, и известно даже имя самого мастера (Лунина 1962: 303). Нам уже приходилось отмечать, что украшение внешней поверхности сосудов штамповкой (по серому или светло – охристому фону), как можно судить по небольшим фрагментам керамики, было известно в Бинкате, очевидно, уже с X века. Теперь налицо доказательство того, что и техника штамповки в калыбах была знакома керамистам Ташкента, но судя по характеру орнамента кувшина из Шаштепа, элементы декора которого не имеют аналогов в известных центрах, местная продукция отличалась своеобразием.

Во время первых раскопок Шаштепа Ташкентской археологической экспедицией изучалось караханидское домовладение на северо – западной площадке за кольцевой стеной центрального объекта. Стены дома XI – XII вв. частично врезались в эту обводную стену (Грицина 1988: 131 – 138). Это домовладение претендует на довольно высокий статус хозяев, о чем говорят налепные украшения из сырой глины на стенах помещений, железные предметы, чашечки весов ювелира или менялы. Была открыта также хозяйственная часть дома, где in situ обнаружены целые формы котлов поливных кувшинов, пиал наряду с раздавленными сосудами.

В ходе археологических наблюдений за работами в двенадцати шурфах была зафиксирована та же идентичная стратиграфическая картина чередования культурных горизонтов. Верхний (до 30 – 50 см) – лессовый слой с переотложенными материалами, среди которых встречалась позднесредневековая керамика. Следующий горизонт зольно – органические накопления с поливной и неполивной керамикой обломками жженных и сырцовых кирпичей караханидского времени (XI – XII вв.), костями животных, окатанными и разбитыми камнями. Ниже – горизонт с неполивной керамикой раннесредневекового периода с остатками архитектуры из пахсы и кусками крупноформатных сырцовых кирпичей (? х 22х9,5). Под ним обнаружен слой сизого цвета той же структуры, что и заполнение помещений «крестовины» с вкраплением незначительного количества керамики комплекса Каунчи II. Наиболее ранний горизонт отмечен малочисленными артефактами бургулюкского комплекса в числе которых, кроме бытового материала остатки жилищ в виде полуземлянок (Филанович 1982: 91 – 124, рис. 28; 29; 30).

Археологические материалы. Основной комплекс керамики из шурфов представлен артефактами караханидского времени. Это – набор сосудов как неполивных, так и глазурованных (рис. 3). Среди поливной керамики выделяются разного размеры фрагменты чаш на кольцевом поддоне с разной конфигурацией венчика. К ним примыкают сосуды типа коса также на кольцевом поддоне. Пиалы сформованы на сплошном поддоне.

Разнообразен отдел кувшинов широкогорлых и узкогорлых, орнаментированных под поливой только на плечиках и горловине. Среди керамики выделяется форма туваки - средневековые гигиенические сосуды специфической установившейся веками формы. Как и вся глазурованная посуда, они имеют желтое покрытие по незначительному орнаменту черного и коричневого цвета. Аналогии можно привести широко на территории Мавераннахра (Заднепровский 1960: 230, рис. 51;6; Грицина 1991: 190 – 191, рис. 2; 19).

Рис. 3. Шоштепа. Комплекс глазурованной керамики
3-rasm. Shoshtepa. Sirlangan sopol idishlar
Fig. 3. Shoshtepa. Complex of glazed ceramics

В комплексе представлены светильники бирюзовой и коричневой поливы, в основном с округлым ребристым резервуаром, вытянутым носиком и кольцевой ручкой. Они отличаются высоким качеством глазури и разнообразием рельефных рисунков на щитках.

Орнамент поливной посуды – растительный, геометрический, точечный и псевдо-эпиграфический. Иногда расписной орнамент сочетался с процарапанным. Подобный орнамент неоднократно отмечался в керамике ряда памятников Ташкентского региона (Древний Ташкент…1973: 98; Зильпер 1976: 61, рис. 25; Буряков 1961: 237; Буряков 1979: 90).

Большая группа сосудов украшена растительным и геометрическим орнаментом, выполненным красками зеленого и коричневого цветов по белому ангобу и покрытым лимонно-желтой глазурью. Подобная керамика характерна для памятников Ташкента и Ташкентского оазиса, где она датируется концом XII в., и других районов Средней Азии и Южного Казахстана (Древний Ташкент…1973: 98; Массон 1953: 49; Сенигова 1972: 157; Грицина 1991: 191).

Один из излюбленных мотивов росписи – вихревая розетка, которой украшалось дно небольших блюд и чаш. Появившись в конце X в., этот мотив получил широкое распространение в Средней Азии в XI в., в том числе и в Бинкате, где, однако, в XII в. «совершенно исчезает» (Лунина 1962: 270; Брусенко 1976: 107; Филанович 2010: рис. 32; Ильясова и др. 2016: 295).

Из других орнаментальных мотивов, украшавших обычно дно сосудов, отметим круг с точкой посередине, «узел счастья», свастику и S – образный знак. Два последние изображения своими корнями, вероятно, уходят в каунчинскую культуру Ташкентского региона, где они были широко распространены среди знаков на керамике и печатях – амулетах (Григорьев 1948: 55; Грицина 1988: 85 – 88; Филанович 1992: 142).

Псевдоэпиграфический орнамент также был распространен. Он наносился либо по внутреннему краю, либо на дно сосудов. В XI в. в Бинкате он значительно упрощается, что хорошо прослеживается на керамике, включая и наши материалы из Шаштепа.

Имеется и светлофонная керамика, которая относится к периоду ранних Караханидов. Отметим фрагмент такого сосуда, бортик которого с внутренней стороны украшен по кругу орнаментом в виде далекого подражания арабским буквам. Дно другого сосуда украшено плетенкой в окружении ромбовидных фигур.

Значительно больше в исследуемой коллекции неполивной керамики. Наиболее представительной группой являются котлы. Особенно характерна округлая форма с горизонтальными ручками, прижатыми к тулову и крышки к ним вогнутого типа. В большом числе фрагментов представлены тарные сосуды (хумы, хумча), а также тагора – (лахани) сформованные как на гончарном круге, так и вручную. В комплексе Шаштепа встречаются также и маслобойки – довольно крупные сосуды с одной горизонтальной ручкой и сливом на тулове. Иногда они украшены несложным процарапанным орнаментом с потеками.

Выделяется группа фрагментов сероглиняных одноручных кувшинов с тремя ножками на дне, тулово которых украшено процарапанным орнаментом. Среди них ярко выделяется описанный выше красноглиняный кувшин, со штампованным орнаментом, сформованный при помощи колыба. Как и в комплексах керамики караханидского времени различных мест Средней Азии, на Шаштепа представлены синабкузача специального назначения.

Из прочих находок, обнаруженных в слое караханидских домовладений Шаштепа, имеются маловыразительные фрагменты стеклянных (вогнутое донце) и металлических изделий (напр., ножичек из шурфа I). Следует отметить небольшие фрагменты керамики саманидского времени (IX – X вв.), а также раннюю находку саманидской монеты из слоя с материалами караханидского времени сделанную в 80 – х годах XX века. По определению Б. Д. Кочнева она выпущена в Шаше в 241 г. х./ 855 – 856гг.

Мелкие фрагменты саманидской керамики тем ни менее принадлежат сосудам отличного качества с прекрасной глазурью и орнаментом, которые широко представлены в культурных слоях Бинката. Их находки на городище Бинкат в период раскопок в 70 – 80 – х годах XX века позволили тогда сделать вывод о выдающимся значении этого города, как крупного центра ремесла и торговли Восточного Мавераннахра в саманидский период. Слоев обживания Шаштепа в это время, однако, не выявлено.

Культурный горизонт XI – XII вв., присутствующий практически в большинстве шурфов дал материалы и факты, позволяющие сделать некоторые общие выводы о жизни поселения на Шаштепа, а также об общей ситуации в Шаше. Ранее археологически было зафиксировано сокращение обжитой территории в городе Бинкате. Пустыри в южной его части постепенно с конца XII века занимаются кладбищами, которые обнаруживали археологи внутри города XIX века. Полоса городской застройки у южной стены Бинката при постепенном запустении становится местом, где трудились гончары с их круглыми, одноярусными обжигательными горнами (Филанович 1992: 142). Вместе с тем, либо в саманидское, либо в караханидское время жизнь процветала в загородных селениях. Так на Ходжа Фархантепа за западным рабадом Бинката на бугре древних культурных отложений с оссуарным некрополем в XI – XII веках был обустроен пункт гончарного производства и прямоугольные двухъярусные обжигательные печи для лучшей тяги подняты на вершину бугра.

С учетом результатов наблюдений и ранее проведенных раскопок на Шаштепа, можно прийти к выводу, что за пределами кольцевой стены его раннего культово – мемориального комплекса II в. до н.э. – III в. н.э. вокруг вся прилегающая территория обживалась, а на этих слоях сложилось поселение караханидского времени.

Отмечена одна характерная деталь, что на полах домовладений XI – XII веков обнаружены in situ целые сосуды. В археологической практике крайне редко встречаются целые керамические формы (если это не погребальный контекст), что всегда требует объяснения.

Обнаружение этих артефактов на Шаштепа очевидно свидетельствует о внезапном уходе обитателей из домов. На это намекает и обнаруженный в шурфе №6 пустой колодец, предназначенный под ретирадную яму (бадраб), но оставшийся не заполненным.

По археологическим данным заметно, что к концу XII века город Бинкат хиреет и сокращается в размерах своей территории. Археологические исследования в Бинкате, таким образом, подтверждают общую картину развития, а затем некоторого запустения, отмечаемую в целом на территории Шаша в караханидский период. Уже с конца XII века заметны следы явного упадка – свертывались ремесла в городах Шаша, особенно связанные с горными выработками и обработкой металла. Постепенно хирели городские кварталы (Буряков и др. 1979: 55). Изменения в жизни Ташкента и других городов северо-восточного Мавераннахра стали особенно заметны с конца XII века, когда началась раздробленность государства Караханидов, а монета чеканилась не в столицы, а в Бинакете, городе стоящем на Сырдарье. В начале XIII века, когда вся Средняя Азия входила в состав государства Хорезмшахов его правитель Мухаммад в борьбе с монгольскими племенами найманов дал приказ разрушить ирригацию в оазисе, чтобы преградить путь найманам в центральные районы ханства. Бинкат пустеет в результате недальновидной политики Хорезмшаха Мухаммада переселившего жителей городов Шаша и Ферганы и разрушившего там ирригацию, дабы оставить наступающим найманам «выжженную землю».

Как явствует из результатов последних исследований на Шаштепа, селение процветало в XI – XII вв., после чего жизнь внезапно прервалась. Возможно это также связано с проявлением варварской политики Хорезмшаха Мухаммада в начале XIII века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Брусенко Л. Г. Продукция гончарного ремесла Бинкета / Отв. ред. Я. Г. Гулямов. Ташкент: ФАН, 1976. С. 80 – 115.

Буряков Ю. Ф. Художественная керамика с городища Тункет // Научные труды и сообщения АН УзССР. Отделение общественных наук. Кн. II / Отв. Ред. И. М. Муминов. Ташкент: АН УзССР, 1961. С. 269 – 279.

Буряков Ю. Ф. Работы в Шахристане I / Отв. ред. Г. В. Шишкина. Ташкент: ФАН, 1979. С. 86 – 93

Буряков Ю. Ф., Филанович М. И. Становление городской культуры и этапы её развития на территории Ташкента//ОНУ. №3. Ташкент, 1979. С. 48 – 57.

Буряков Ю. Ф., Богомолов Г. И. Канка – Харашкет. Цитадель / Отв. ред. Ю. Ф. Буряков. Ташкент: ФАН, 1990. С. 7 – 16. рис. 6 (1).

Григорьев Г. В. Келеская степь в археологическом отношении // Известия АН УзССР. Сер. Археологическая. Вып. 1. №46. Алма – Ата, 1948.

Грицина А. А. Материалы караханидского времени с городища Шаштепа в Ташкенте // ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1988. С. 85 – 138.

Грицина А. А. Материалы XII – начала XIII в. с городища Культепа (Северная Уструшана) // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991. С. 188-199. рис. 2, 19.

Древний Ташкент / Отв. ред. И. И. Ахраров. Ташкент: ФАН УзССР, 1973. 144 с.

Заднепровский Ю.А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 году / Труды КАЭЭ. т. IV. М.:1960. 106 с.

Зильпер З. Г. Памятники в долине Салара и Карасу / Отв. ред. Я. Г. Гулямов. Ташкент: ФАН, 1976. С. 49 – 72. рис. 25.

Ильясова С. Р., Ильясов Дж. Я., Имамбердыев Р. А., Исхакова Е. А. «Нет благо в богатстве …». Глазурованная керамика Ташкентского оазиса IX – XII веков. М.: Фонд Марджани, 2016. 596 с.

Ильясова С. Р., Максудов Ф. А., Хамидов О. А., Лин Минглей, Вульферт Э. Ф., Нормурадов Д. Р. Раскопки на Куюне в 2018 – 2019 гг. // Археологические исследования в Узбекистане 2018 – 2019 гг. Вып. 12. Самарканд, 2020. С. 99 – 113.

Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X – нач. XIII вв. / Труды ЮТАКЭ. т. XI. Ашхабад: Издательство Туркменской АН ССР1962. С. 217 – 417.

Lhuillier Johanna La culture de Burguljuk et ses implications chrono – culturelles dans le contexte centrasiatique de

l’age du fer ancien (autour du Ier millenaire av. J. – C.). - Université de Paris I Panthéon Sorbonne. 2005 – 2006. Vol.I. P. 71.

Массон М. Е. Ахангеран. Археолого – топографический очерк. Ташкент: Изд – во Академии наук УзССР, 1953. 148 с.

Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма – Ата: Наука, 1972. 210 с.

Филанович М. И. Шаштепа – древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента / Отв. ред. Г. В. Шишкина. Ташкент: ФАН, 1982. С. 91 – 124. рис. 28, 29, 30.

Филанович М. И., Дуке Х. О древнейшем поселении на Шаштепа в Ташкенте // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент, 1990. С. 39 – 49.

Филанович М. И. О гончарном ремесле средневековой столицы Шаша // ИМКУ. Вып. 26. Ташкент, 1992. С. 147 – 155.

Филанович М. И. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент: Узбекистан, 2010. 312 с.

REFERENCES:

Brusenko L. 1976. Produksiya goncharnogo remesla Binketa (Products of the Binket pottery craft). Tashkent: Fan Publ., 80 – 115. (In Russian).

Buryakov Yu. 1961. Hudojestvennaya keramika s gorodishya Tunket (Artistic ceramics from the Tunket settlement). In Nauchnie trudy i soobsheniya AN UzSSR. Otdeleniye obshestvennih nauk). Kniga II. (Scientific works and communications of the Academy of Sciences of the UzSSR. Department of Social Sciences). Book II. Tashkent: AN UzSSR, 269 – 279. (In Russian).

Buryakov Yu. 1979. Raboty v Shahristane I(Works in Shahristan I). Tashkent: Fan Publ., 86 – 93. (In Russian).

Buryakov Yu., Filanovich M. 1979. Stanovleniye gorodskoy kultury i etapy eyo rasvitiya na territoriy Tashkenta (The formation of urban culture and stages of its development on the territory of Tashkent). In ONU – Obshestvenniye nauky v Uzbekistane (Social sciences in Uzbekistan). №3. Tashkent, 48 – 57. (In Russian).

Buryakov Yu., Bogomolov G. 1990. Kanka – Kharashket. Sitadel (Kanka – Kharashket. Citadel) Tashkent: Fan Publ., 7 – 16. fig. 6(1). (In Russian).

Grigor`ev G. 1948. Keleskaya step` v arheologicheskom otnosheniy (Keles steppe in archaeological terms). In Izvestiya AN UzSSR. Ser. Arheologicheskaya. Issue. 1. №46. Alma – Ata. (In Russian).

Gritsina A. 1988. Materialy karakhanidskogo vremeny s gorodisha Shashtepa v Tashkente (Materials of the Karakhanid period from the Shashtepa settlement in Tashkent) In IMKU – Istoriya material`noy kul`tury Uzbekistana (History of material culture of Uzbekistan). Issue. 22. Tashkent, 85 – 138. (In Russian).

Gritsina A. 1991. Materialy XII – nachala XIII v. s gorodisha Kul`tepa (Severnaya Ustrushana) (Materials from the 12th – early 13th centuries. from the ancient settlement of Kultepa (Northern Ustrushana)). In IMKU – Istoriya material`noy kul`turi Uzbekistana (History of material culture of Uzbekistan). Issue. 25. Tashkent, 188 – 199. fig. 2, 19. (In Russian).

Drevnij Tashkent. (Ancient Tashkent). 1973. Tashkent: Fan Publ., 144. (In Russian).

Zadneprovskij Yu. 1960. Arkheologicheskiye raboty v Yujnoy Kirgizii v 1954 godu (Archaeological works in Southern Kyrgyzstan in 1954). In Trudi KAEE – Trudi Kirgizskoy arheologo – etnograficheskoy ekspedisii (Proceedings of the Kyrgyz archaeological and ethnographic expedition). Vol. IV. Moscwa, 106. (In Russian).

Zilper Z. 1976. Pamyatniki v doline Salara i Karasu (Monuments in the Salar and Karasu valley). Tashkent: Fan Publ., 49 – 72. fig. 25. (In Russian).

Ilyasova S., Ilyasov J., Imamberdyev R., Iskhakova E. 2016. «Net blago v bogatstve …». Glazurovannaya keramika Tashkentskogo oazisa 9 – 12 vekov (“There is no benefit in wealth...” Glazed ceramics of the Tashkent oasis of the 9th – 12th centuries). Moscwa: Marjani Foundation, 596. (In Russian).

Ilyasova S. R., Maksudov F. A., Khamidov O. A., Lin Mingley, Wulfert E. F., Normuradov D. R. 2020. Raskopki na Kuyune v 2018 – 2019 gg. Excavations at Kuyun in 2018-2019. In ARU – Arheologicheskiye isslyedovaniya v Uzbekistane (Archaeological research in Uzbekistan 2018-2019). Issue 12. Samarkand. Pp. 99-113. (In Russian).

Lunina S. B. 1962. Goncharnoye proizvodstvo v Merve X – nach. XIII vv. Pottery production in Merv in the 10th – early 13th centuries. In Trudi YUTAKE - Trudi Yujno - turkmenskoy arheologicheskoy ekspedisii (Works of the South Turkmen Archaeological Expedition). Vol. XI. Ashgabat: Publishing House of the Turkmen Academy of Sciences of the SSR. Pp. 217 – 417. (In Russian).

Lhuillier Johanna. 2005 – 2006. La culture de Burguljuk et ses implications chrono – culturelles dans le contexte centrasiatique de l’age du fer ancien (autour du Ier millenaire av. J. – C.). - Université de Paris I Panthéon Sorbonne. Vol.I. P. 71. (In French).

Masson M. E. 1953. Akhangeran. Arkheologo-topograficheskiy ocherk. Akhangeran. Archaeological and topographic

essay. Tashkent: Publishing House of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR. 148 p. (In Russian).
Senigova T. N. 1972. Srednevekoviy Taraz. Medieval Taraz. Alma-Ata: Nauka. 210 p. (In Russian).
Filanovich M. I. 1982. Shashtepa – drevneysheye poseleniye osedlikh zemledelsev na territoriy Tashkenta/ Otvetstvenniy redactor G. V. Shishkina. Shashtepa – the most ancient settlement of settled farmers in the territory of Tashkent / Ed. G. V. Shishkina. Tashkent: FAN. Pp. 91 – 124. Fig. 28, 29, 30. (In Russian).
Filanovich M. I., Duke H. 1990. O drevneyshem poseleniy na Shashtepa v Tashkente. On the most ancient settlement on Shashtepa in Tashkent. In IMKU – Istoriya material`noy kul`turi Uzbekistana (History of material culture of Uzbekistan). Issue 24. Tashkent. Pp. 39 – 49. (In Russian).
Filanovich M. I. 1992. O goncharnom remesle srednevekovoy stolisy Shasha. On the pottery craft of the medieval capital of Shash. In IMKU – Istoriya material`noy kul`turi Uzbekistana (History of material culture of Uzbekistan). Issue 26. Tashkent. Pp. 147 – 155. (In Russian).
Filanovich M. I. 2010. Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Tashkenta v arkheologicheskikh istochnikakh. Ancient and medieval history of Tashkent in archaeological sources. Tashkent: Uzbekistan. 312 p. (In Russian).

NEW ARCHAEOLOGICAL INSIGHTS ON THE MEDIEVAL HISTORY OF TASHKENT

©2025. Filanovich Margarita, Gritsina Alexey
National Center of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Key words: Tashkent, 9th – 12th centuries, dynamics of urban infrastructure of medieval Tashkent, Binkat, Shashtepa, Kaunchi culture.

The article presents the results of the latest archaeological observations carried out at Shashtepa in 2021-2022, in connection with excavation work for the conservation project of the main Shashtepa site - a cult and memorial complex of the 2nd century BC. The authors note that archaeological research in the 1970s-90s on the territory of the modern city of Tashkent led to the conclusion that here, since ancient times, on the irrigation ditches fed by the waters of the Chirchik and underground sources, a dense settlement system based on agricultural economy was formed - a micro-oasis, which, in the late Middle Ages, approximately corresponded to the area of the Tashkent rustaks. Taking into account the results of observations and previously conducted excavations at Shashtepa, we can conclude that beyond the ring wall of its early cult-memorial complex of the 2nd century BC - 3rd century AD, the entire surrounding area was inhabited, where a settlement of the Karakhanid period was formed. In the developed Middle Ages, its boundaries were determined when all the irrigators Salar - Dzhun, Karasu, Bozsu with their channels and canals were used in an economic context. During the Samanid and Karakhanid periods, the city of Binkat (a 19th century settlement near the city of Tashkent) was at the center of the infrastructure.